

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК «НЕПЕРЕВОДИМАЯ ИГРА СЛОВ»: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ И ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ*

Богданова-Бегларян Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Статья посвящена классу наиболее трудных для понимания и перевода на другие языки единиц устного дискурса – прецедентным текстам, которые отражают не только национальную, но и поколенческую ментальность носителей языка. Источниками таких текстов могут быть кинофильмы, стихи, песни, реплики известных артистов или политиков и под. (*мама не горюй; это я удачно зашёл; хотели, как лучше, а получилось, как всегда*). Тексты, содержащие такие фрагменты, могут служить своеобразным тестом на знание русского языка и русской культуры, составляют особый разряд в классе безэквивалентной лексики, сложной для перевода на другие языки, а также требуют комментария не только в иностранной, но зачастую и в русской аудитории.

Ключевые слова:

повседневная речь, речевой корпус, прецедентный текст, ментальный лексикон, нетривиальная речевая единица, безэквивалентная лексика.

* Исследование проведено при поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

**PRECEDENT TEXT
AS «AN UNTRANSLATABLE PLAY
ON WORDS»: FUNCTIONING IN RUSSIAN
EVERYDAY SPEECH AND PROBLEMS
OF UNDERSTANDING AND TEACHING
IN A FOREIGN AUDIENCE**

Bogdanova-Beglarian N. V.

Saint-Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract:

The article is devoted to the class of the most difficult units of oral discourse for understanding and translating into other languages – precedent texts that reflect not only the national, but also the generational mentality of native speakers. The sources of such texts can be movies, poems, songs, replicas of famous artists or politicians, etc. (*mama ne goryuy; eto ya udachno zashol; khoteli, kak luchshe, a poluchilos', kak vsegda*). Texts containing such fragments can serve as a kind of test for knowledge of the Russian language and Russian culture; they constitute a special category in the class of non-equivalent vocabulary that is difficult to translate into other languages, and also require commentary not only in foreign, but also in Russian audiences.

Keywords:

everyday speech, speech corpus, precedent text, mental lexicon, non-trivial speech unit, non-equivalent vocabulary.

1. Введение

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) ведется обычно на материале кодифицированного литературного языка (КЛЯ), что правильно со всех точек зрения: и лингвистической, и методологической. Именно такой – практически образцовый – язык лежит в основе богатой русской литературы и делового общения, именно такой (и только такой!) язык может «преодолеть пространство и время», т. е. служить средством общения между разными русскоговорящими территориями и разными поколениями носителей русского языка. Именно такой язык поможет и иностранцу, изучающему русский, освоиться в языковой среде и преодолеть межъязыковой барьер.

Все это понятно и справедливо, если бы не одно НО: на кодифицированном литературном языке НИКТО не говорит. Это несомненный образец, к которому надо стремиться, но которого невозможно достичь (идеал недостижим!). Еще в диалогах Платона можно найти мысль, что «правильный по природе язык» существует только *в идее* (цит. по: Звегинцев 1960: 9); речь конкретного человека «никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы» (Бонфанте 1960: 299); «мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать. Многие говорят по-французски, но нет говорящих на образцовом французском языке, который мог бы служить нормой и примером для других. Того, что мы называем образцовым французским языком, не существует в речи ни одного говорящего по-французски. <...> Наилучший французский язык – это “идея” (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.) <...>, это *фикция* <...>. Наш лучший французский язык может потерять совершенство от любой ошибки памяти, ослышки или же обмолвки. Этот правильный язык – *идеал*, к которому стремятся, но которого не достигают; это – сила в действии, определяемая целью, к которой она движется; это – действительность в возможности, не завершающаяся актом; это – становление, которое никогда не завершается» (Вандриес 1960: 393); «Единообразие и чистота языка представляют собой лишь *фикцию* и *предрассудок*» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 200); «социальные диалекты в языке <...> образуют как бы пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка, <...> но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная “норма”) представляется скорее *идеальным*

предельным понятием, чем осуществленной действительностью» (Жирмунский 1969: 21).

Иными словами, в речи любого носителя КЛЯ обязательно присутствуют элементы, как минимум, разговорной или профессиональной речи; ср.: «Состав элементов и структура языкового сознания сложны, потому что языковое сознание “организуется одновременно вокруг многих центров” (А. Сеше), поскольку люди владеют не только несколькими речевыми стилями одного литературного языка, но и “специальными языками”, социальными диалектами, тяготеющими к литературному языку или являющимися его подсистемами, а также некодифицированными разновидностями языка в виде местных диалектов, жаргонов и проч., не говоря уже о владении иностранными языками» (Гельгардт 1968: 5-6).

Даже если остановиться в перечислении этих особенностей нашего повседневного «языкового существования» (Гаспаров 1996) только на разговорном языке, то и здесь все не так просто, ср.: «РР (разговорная речь. – Н. Б-Б.) – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам, стереотипам» (Земская и др. 1981: 6). По мнению Б.М. Гаспарова, мы говорим «коммуникативными фрагментами» (КФ), постоянно используя «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ – это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» (Гаспаров 1996: 118). Нет сомнения, что все такие «коммуникативные фрагменты» нужно научиться извлекать из речевого материала, их нужно отдельно описывать и специально обучать их восприятию и правильному пониманию иноязычных учащихся. И уже из приведенного высказывания Б.М. Гаспарова становится ясно, что эти КФ могут быть самыми

разными и требуют в ходе описания некоторой систематизации.

2. Прецедентные тексты как разновидность «нетривиального» в повседневной речи

Наблюдения над корпусным материалом показывают, что «в ходе повседневного общения люди довольно часто употребляют нечто неожиданное», «нетривиальное»: это могут быть, например, «термины, употребленные в непрофессиональном общении, или имена собственные, припоминание которых вызвало затруднения у говорящего, эвфемистичные или, наоборот, деэвфемистичные выражения, стилистически сниженные единицы или высказывания, претендующие на обобщение, прецедентные тексты, идиомы или окказионализмы, как лексические, так и идиоматические» (Богданова-Бегларян 2017: 9). Количество такого «нетривиального» в нашей речи достаточно велико, порой подобные единицы употребляются вскользь, без всякого акцентирования со стороны говорящего, а часто требуют каких-то его вербальных реакций (языковой рефлексии). Систематизированное их описание может быть полезно в самых разных аспектах, включая практику перевода или преподавания РКИ, построение речевого портрета конкретного говорящего или конкретного социума, а также лингвистическую экспертизу.

Одним их типов такого «нетривиального» являются *прецедентные тексты* (ПТ), ставшие объектом внимания в настоящей работе. В отличие от многих других разновидностей «нетривиального», вынуждающих говорящего либо вербализовать их ввод в текст, либо реагировать на них с помощью специальных речевых единиц, рефлексивов (*как говорится, скажем так, если можно так сказать* и под.), ПТ, как правило, употребляются без всякой акцентуации, практически неосознанно, автоматически, что и делает их особенно трудными для восприятия и понимания, особенно когда общение происходит на неродном для одного из говорящих языке. Кроме того, ПТ, в отличие от тех же фразеологизмов, идиом или крылатых слов, не фиксируются ни в одном словаре, хотя, несомненно, присутствуют в ментальном лексиконе носителей языка – и это еще усложняет их извлечение из материала (для лингвистического исследования) и понимания в ходе коммуникации (для иноязычных говорящих).

Под *прецедентными текстами* в лингвистике понимают «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным

ранее произведенным текстам» (Костомаров, Бурвикова 1996: 297), и исследователи давно осознали, что практически всякий текст «создается в виде цитатной мозаики» (Kristeva 1980: 66), «наша речь <...> полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» (Бахтин 1986: 460), а «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» (Гаспаров 1996: 14); «можно сказать, что основу нашей языковой деятельности составляет гигантский “цитатный фонд”, восходящий ко всему нашему языковому опыту» (там же: 105). И «языковой опыт», и «языковая память» очевидно различны даже у разных носителей одного языка; можно себе представить, сколько трудностей представляет такой материал для переводчиков или изучающих русский язык как иностранный. Это не просто специфический класс безэквивалентной лексики, но зачастую «непереводимая игра слов», понятная только посвященным. Именно поэтому такие единицы практически никогда не попадают в учебники по РКИ и не вводятся в лексические тесты ТРКИ, даже самого высокого уровня. Однако в русскоязычном общении количество единиц такого рода поистине огромно, ср.: «Что касается любого, самого ординарного, акта “бытового” общения, то пропитывающие его всевозможные источники и прецеденты, восходящие к предыдущему опыту говорящих, безгранично широки и идиосинкретично связаны с жизненным опытом, духовным и эмоциональным миром каждой личности» (Гаспаров 1996: 39). Этим во многом и объясняется актуальность предпринятого исследования.

3. Материал исследования и типология прецедентных текстов

Источником *материала* для настоящего исследования стал корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), фиксирующий наиболее естественную речь носителей языка и содержащий повседневные диалоги и полилоги, происходящие в самых разных коммуникативных ситуациях (<https://ord.spbu.ru>). На его основе удалось построить некоторую типологию (простую систематизацию) ПТ, которая способна в какой-то степени помочь иностранцам, изучающим русский язык на высоких уровнях, а также преподавателям РКИ и переводчикам ориентироваться в русскоязычной речевой стихии. Нет сомнения, что анализировать материал ПТ можно в самых разных аспектах (см.: Богданова-

Бегларян 2018), однако для практических целей вполне полезной и достаточной может оказаться типология по тексту-источнику, которая и предлагается ниже.

1. ПТ – цитаты из фильмов:

- 1) *мама # в чём ? а я тебя в чём-то обвиняю / дочик ? *П в чём ? *П алё / гараж / можно не реветь / *П ну ?* [из к/ф «Волга-Волга» (1938 г.)]¹;
- 2) *давай ты сядешь на табуретку / вот сюда ? # там же Галя% сидит # *Н дали табуретку присесть / да // да я знаешь / пешком постою* [из к/ф «Мимино» (1977 г.)];
- 3) *а / ты же поэт / да / точно //* **П # вы мне льстите* [из к/ф «Служебный роман» (1977 г.)];
- 4) *никто не звонил // почти никто // # а с этого места поподробней // # сейчас скажу* [из к/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) и мн. др.];
- 5) *Саша безусловно учится он ещё не волшебник* [из к/ф «Золушка» (1947)];
- 6) *отлично //* **П отлично / *П хорошо пришёл //* **П //* *# да(☺ //* **П ты удачно пришёл //* **П //* *# ну ладно / скачивай у меня !* [из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.)];
- 7) *кто девушку танцует / (...) ой / ужинает / тот её танцует //* *кто платит / тот и заказывает музыку блин* [из к/ф «Вокзал для двоих» (1982 г.) и мн. Др.];
- 8) *военный патруль до сих пор тут ? # да ? *П (☺ эй... # ... их затапливает //* **Н находится / ... на ихуне ! @ *Н //* **С *П # Верецагин / уходи с баркаса !* [из к/ф «Белое солнце пустыни» (1970 г.)];
- 9) *так / ну что / по ступам !* [из м/ф «Летучий корабль» (1979 г.)].

2. ПТ – цитаты из песен/стихов:

- 10) *ты хочешь кофе ? *П их есть у меня !* [строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* И пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у

¹ Знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих, *П – это отсутствие всякой фонации, физическая пауза хезитации, синтаксически никак не обусловленная; о других специальных обозначениях в корпусном материале см.: Русский язык... 2016: 242–243.

меня», 1912 г.];

- 11) *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () до основания / а затем / *С а () затем ! # а затем всё пришли мне* [строка из «Интернационала» (1902 г.)].

3. ПТ – цитаты из прозаических художественных произведений:

- 12) *бокалы ... # где бокалы ? # *П бокалы / сервант открой / # а подать сюда бутылку ! # Маринкины% наверху стоят / а мои / сервант открой там / *П уже использованные (ср.: А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* [из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1835 г.)];
- 13) *а кетчуп у тебя есть ? *П не помню / возьму // *П а какой ты предпочитаешь / *П в это время суток ? (ср.: Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?* [из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929-1940 гг.)];
- 14) *ну смотря какая Лингво ещё // *П там везде по-разному // *П у меня десятая / *П была шестая // *П # у Майкла есть // *П # ну у Майкла всё есть / *П как в Греции* [из «Свадьбы» А.П. Чехова (1889 г.)].

4. ПТ – известные фразы разного происхождения:

- 15) *ну это(☺) () господи ! это () н... () находка для шпиона *Н* [фрагмент идеологической перифразы советского периода: *Болтун – находка для шпиона*];
- 16) *а вот сюда пожалуйста глазки на аппарат // не моргаем // и ещё разочек / спокойно // всё // птичка вылетела // *П завтра будет* [ср.: *внимание, сейчас вылетит птичка*, фраза используется фотографами, чаще при съемке детей].

4. Некоторые выводы

Из приведенных примеров видно, сколь богат и разнообразен материал прецедентных текстов, используемых носителями русского языка в повседневном общении. Использование в качестве источника такого материала корпуса ОРД, фиксирующего максимально естественную речь, во многом обеспечивает достоверность полученных данных. Расширение материала за счет привлечения других речевых корпусов вряд ли серьезно изменит

предложенную систематизацию ПТ.

Уже приведенные иллюстрации позволяют сделать ряд интересных наблюдений.

Так, зачастую прецедентный текст **не имеет одного-единственного источника**, ср.: *а с этого места поподробней (4), кто девушку <...> ужинает / тот её танцует (7)*. Подобные ПТ уже фактически стали частью разговорного лексикона и начали самостоятельное существование в нашей коммуникации, практически не ассоциируясь в сознании говорящих с одним-единственным источником.

Прецедентные тексты способны выстраиваться в **синонимические ряды**, используемые порой в одном высказывании, ср.: *кто девушку <...> ужинает / тот её танцует // кто платит / тот и заказывает музыку (7)*.

Типичной и весьма частотной особенностью ПТ является их способность **модифицироваться** (в той или иной степени или в том или ином языковом отношении) в конкретном употреблении, ср.: *ты удачно пришёл / хорошо пришел* *вм. это я удачно зашёл (6)*; *а подать сюда бутылку !* *вм. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! (12)*; *а какой [кетчуп] ты предпочитаешь <...> в это время суток ?* *вм. Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня? (13)*; *птичка вылетела* *вм. сейчас вылетит птичка (16)*. Модифицированные ПТ в русскоязычном общении едва ли не более частотны, чем исходные (классические), что еще увеличивает сложность их вычленения в потоке речи (для лингвистического исследования) и восприятия и понимания (для иноязычных говорящих). Это наблюдение, впрочем, требует дополнительной проверки на расширенном корпусном материале.

Достаточно часто использование прецедентных текстов в ходе общения перерастает в **языковую игру**, в которую втягиваются оба собеседника (11).

Существуют ПТ двух типов: **национально-прецедентные**, понятные большинству говорящих на русском языке, и **социумно-прецедентные**, понятные определенному социуму (Должикова 2011), что связано прежде всего с поколением носителей языка. Этот факт делает подобный материал еще более сложным для понимания и перевода, но и более интересным для исследования.

В качестве перспективы исследования прецедентных текстов можно предложить серию перцептивных экспериментов на разных

группах носителей языка: как русских разного возраста, так и иностранцах, владеющих русским языком на разных уровнях.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // *Литературно-критические статьи*. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
- Богданова-Бегларян Н.В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // *Коммуникативные исследования*. № 4 (14), 2017. С. 9–30.
- Богданова-Бегларян Н.В. Прецедентный текст в устной повседневной речи: возможности лингвистического описания // *Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология*. 2018, № 2. Т. 2. С. 19–25.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. «Фонетические законы» // *И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 189–208.
- Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // *В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 298–319.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю // *В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 386–404.
- Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение. Вып. IX / Ред. вып. И. Прохорова. 1996. 352 с.
- Гельгардт Р.Р. Помехи в понимании речевых сообщений // *Русский язык в школе*. 1968, № 3. С. 3–8.
- Должикова С.Н. Прецедентные феномены в английском языке // *Сфера услуг: инновации и качество*. Вып. 2, 2011. С. 18–27.
- Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика // *Вопросы социальной лингвистики*. Л.: Наука (Лен. отделение), 1969. С. 5–25.
- Звегинцев В.А. Очерк истории языкознания до XIX в. // *В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 5–24.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // *Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева*. М.: Ин-т русского языка им. В.

В. Виноградова РАН, 1996. С. 297–302.

ОРД – Корпус русской повседневной речи «Один речевой день»
// <https://ord.spbu.ru/>

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Kristeva, Ju. Word, Dialogue, and Novel // *Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 1980. Pp. 64–91.